

Д. И. ПИСАРЕВ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

Сообщение Н. Быховского

Писарев был арестован 2 июля 1862 г., а через четыре дня—6 июля—комендант Петропавловской крепости ген. Сорокин доносил рапортом «его величеству» о заключении обвиняемого в государственном преступлении кандидата С.-Петербургского университета Дмитрия Писарева в каземат Невской куртины. Оттуда в дальнейшем он был переведен в Екатерининскую куртину.

Сейчас же после ареста Писарева мать его обратилась с личным письмом к управляющему III отделением ген. Потапову. Выражая недоумение по поводу несчастья, постигшего ее сына и ее, как мать его, и предполагая, что это результат какого-то несчастного недоразумения, она уверяла Потапова, что сын ее был далек от подпольной революционной деятельности и занимался только легальным литературным трудом. Взывая к «добрым чувствам» Потапова, она просила его обратить внимание на то, что сын ее, еще весьма юный по возрасту, однажды уже болел психическим расстройством и что болезнь эта, под влиянием крепостного заключения, может снова повториться и с более тяжелыми последствиями. Она просила Потапова как можно скорее освободить ее сына и хотя бы выслать его к ней в деревню, чтобы он мог поправиться от пережитых тревожений, связанных с арестом, и отдохнуть. Надо полагать, что мать Писарева, который, по словам биографа его, «не скрывал от матери ни одного движения сердца, ни одной мысли»¹, в данном случае совершенно искренно уверяла Потапова в абсолютном отсутствии каких-либо причин для этого ареста. По недостатку материальных средств, она жила тогда в деревне с младшими детьми своими и потому, конечно, могла не знать, что Писарев написал нелегальную статью, по предложению Баллода. Иначе едва ли она решилась бы уверять в полной невинности ее сына, зная, что «преступление» его может быть открыто².

Потапов ответил ей, что сын ее всецело находится в ведении следственных властей, ведущих его дело, от которых зависит его освобождение. В данный же момент он здоров, а врачебная помощь всем заключенным в крепости обеспечена.

Первые 9 месяцев Писарев просидел в каземате, не имея даже свиданий. Мать продолжала жить в деревне. Материальное положение его в течение этого времени было тяжелое. По свидетельству матери, он существовал это время только на «крепостном содержании», потому что собственных средств у него не было для приобретения того, что могло сколько-нибудь улучшить и скрасить жизнь в одиночном заключении и что разрешалось покупать на собственные средства заключенным. Получать же материальную помощь от кого бы то ни было он отказывался. Он не хотел даже пользоваться помощью Литературного фонда. И тем не менее в его письмах этого периода к матери нет никаких жалоб на свое положение. Наоборот, он постоянно пишет, что всем доволен, ни в чем не нуждается, он всегда шутит, утешает мать, подбадривает ее. Вообще тюремный режим он переносил мужественно, лично от себя никому не писал никаких прошений о каких-либо льготах или послаблениях казематного режима, за исключением единственного случая, о чем будет ниже.

Лишь после перехода его дела из следственной комиссии кн. Голицына в Сенат, весной 1863 г., III отделение отношением от 29 марта 1863 г. сообщило коменданту крепости, что Писареву высочайше разрешено иметь свидание с матерью. Извещенная об этом, мать его приехала из деревни и имела первое свидание с ним.

Незадолго перед тем разрешена была литературная работа в каземате Алексеевского равелина Н. Г. Чернышевскому. Воспользовавшись этим прецедентом, мать Писарева весной 1863 г. подала прошение петербургскому военному генерал-губернатору кн. А. А. Суворову о разрешении литературной работы Писареву. Мотивировала она это тем, что литературный заработок ее сына был единственным материальным источником существования всей семьи. Последнее вполне соответствовало действительности, потому что материальное положение семьи его было весьма тяжелое. Оно улучшилось, когда Писарев начал зарабатывать литературным трудом, и снова ухудшилось после ареста его. Именно из-за этого матери его приходилось сидеть в деревне, как упоминалось уже, а старшая сестра вынуждена была служить гувернанткой. Однако, получить это разрешение оказалось не так легко. Да и после получения разрешения не раз возникали препятствия, грозившие оборвать литературную работу Писарева в каземате. Об этом до сих пор у нас ничего неизвестно, хотя это представляет большой интерес.

Со времени создания III отделения в 1826 г., после восстания декабристов, именно III отделение было фактическим хозяином Петропавловской крепости. Формально же крепость, как военное учреждение, подчинена была петербургскому военному генерал-губернатору. Эта двойственность подчинения крепости разрешалась в 60-х годах таким образом, что III отделение распоряжалось всецело Алексеевским равелином, как важнейшим местом заключения государственных преступников, находившимся под верховным надзором самого царя. Все же остальные места заключения в крепости были в ведении петербургского военного генерал-губернатора.

Как упоминалось уже, этот пост занимал тогда кн. Суворов. Внук знаменитого полководца, он в ранней молодости, под влиянием декабриста А. И. Одоевского, примкнул к движению декабристов, но в восстании 14 декабря 1825 г. не участвовал. Все же он явился с повинной к Николаю I, который за заслуги деда не привлек его к процессу декабристов, а отправил на Кавказ. С конца 40-х годов он был Остзейским генерал-губернатором, где зарекомендовал себя, как благожелательный администратор. Именно благодаря этой репутации, он в конце 1861 г. был назначен на такой же пост в Петербурге с чрезвычайными полномочиями. Это назначение было своего рода уступкой общественному мнению. «Наше желание,—говорилось в рескрипте, изданном при этом назначении Суворова,—чтобы правящие и управляемые соединялись узами взаимной привязанности и взаимного доверия, вами вполне понято и исполнено». Биограф Суворова характеризует его, как администратора, старавшегося мелкими смягчениями умерить и ослабить практическое применение старых законов, не изменяя их содержания, и благожелательной политикой своей «сгладить суровую политику III Отделения»³.

Повидимому, Суворов сначала собственной властью разрешил Писареву литературную работу в каземате с тем, чтобы рукописи направлялись из крепости в управление генерал-губернатора, а оттуда передавались прямо в редакцию «Русского Слова». Подтверждением этого является следующая записка ген. Потапова главному начальнику III отделения, шефу жандармов кн. Долгорукову.

«Представляемое письмо передано генерал-лейтенантом Сорокиным. Письмо это обращает на себя внимание, потому что Писарев сообщает своей матери, что он самый деятельный сотрудник журнала «Русское Слово», известного своим дурным и вредным направлением. При этом генерал-лейтенант Сорокин сообщил, что Писарев пишет очень много. Статьи его передаются прямо Санкт-Петербургским военным генерал-губернатором Благосветлову, который весьма часто посещает Писарева. Писарев содержится в Екатерининской куртине, в отдельном

каземате и потому, как переписка, так и свидания его не подлежат ведению III Отделения. Писарев по своему преступлению подлежит лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы, а потому, во избежание, чтобы статьи Писарева не произвели бы тех последствий, какие произошли от романа Чернышевского «Что делать?», я полапал бы снести с министром юстиции, не признает ли он нужным переместить Писарева в Алексеевский рavelин и тогда, как выпуск его статей, так и неуместные свидания могут быть прекращены».

Таким образом, над Писаревым нависла угроза попасть в Алексеевский рavelин, где режим был исключительно тяжелый и где он всецело зависел бы от III отделения. Запиртая его в рavelин, Потапов выполнил бы свой план, т. е. добился бы и прекращения литературной работы Писарева и «неуместных свиданий». Потапов надеялся, что с юношей Писаревым, недостаточно крепкой нервной организации, III отделению легче будет справиться, чем с Чернышевским, и заставить его в конце концов примириться со своим положением. Опасность для Писарева была чрезвычайно велика. И если бы план Потапова осуществился, то, может быть, мы не имели бы всего написанного Писаревым в крепости, т. е. более двух третей всего написанного им, и притом лучшего из того, что он написал.

Записка Потапова свидетельствует о том, что тогда уже, в мае 1863 г., III отделение уяснило себе, какое революционное значение имеет роман Чернышевского «Что делать?».

От опасности, нависшей над Писаревым, избавил его Суворов. На записке Потапова имеется пометка Долгорукова, датированная 23 мая 1863 г.: «Переговорить при свидании». Повидимому, здесь подразумевались личные переговоры Долгорукова с Суворовым по этому делу. Разговор произошел через день-два ибо на полях этой записки Потапова имеется надпись его, датированная 25 мая: «оставить без последствий, приобщить к делу».

В разговоре с Долгоруковым Суворов, должно быть, уяснил себе, что он вышел из рамок предоставленной ему власти и допустил в этом деле ряд промахов. Но отменять данное разрешение теперь тоже уже было неудобно. Это было бы уроном для его престижа. Понимал это и Долгоруков.

В виде выхода из создавшегося положения при этом разговоре, очевидно, решено было, чтобы Суворов выполнил всю необходимую для санкционирования литературной работы Писарева процедуру, — снесся с надлежащими инстанциями по этому делу, а Долгоруков потом получит необходимое для этого высочайшее разрешение.

6 июня 1863 г. Суворов написал коменданту крепости, что, по просьбе матери Писарева, ходатайствовавшей о разрешении Писареву заниматься литературным трудом, — единственным источником существования семьи, — он, Суворов, считает возможным удовлетворить это ходатайство, тем более, что литературные работы Писарева будут проходить через цензуру. Суворов осылался при этом на разрешение Чернышевскому заниматься литературной работой даже в Алексеевском рavelине.

Не зная, что вопрос этот уже улажен благополучно для Писарева личными переговорами Суворова с Долгоруковым, ген. Сорокин на этой бумаге управления петербургского военного ген.-губернатора положил следующую вполне грамотную резолюцию: «Объяснить в донесении, что просьба г-жи Писаревой надлежит разрешению правительствующего Сената, в который должны препровождаться и рукописи для дальнейшего распоряжения. Разрешение такового есть как особенная высочайшая милость. Но заниматься литературным трудом в казематах высочайше воспрещено». Ответ этот, конечно, не остановил Суворова. Списавшись с Сенатом и получив от него согласие на занятия Писарева литературной работой, Суворов 23 июня 1863 г. уже официальным отношением обратился по этому поводу к шефу жандармов Долгорукову, указывая, что литературный заработок является единственным источником существования семьи Писарева.

«Хотя занятия литературной деятельностью в казематах воспрещены,—писал он,—но, принимая во внимание изложенные в просьбе матери Писарева обстоятельства, считаю долгом покорнейше просить ваше сиятельство, об исходатайствовании высочайшего разрешения подсудимому Писареву продолжать в каземате свои литературные занятия, подобно тому, как дано уже, сколько известно, таковое же разрешение содержащемуся в Алексеевском равелине титулярному советнику Чернышевскому». Упоминание об Алексеевском равелине и о Чернышевском должно было означать, что если это разрешено даже в равелине, для которого создан совершенно особый по суровости режим, то тем более это может быть разрешено в Екатерининской куртине. Долгоруков сейчас же получил это разрешение.

25 июня, т. е. всего через два дня после отправки отношения Суворова к Долгорукову об исходатайствовании «высочайшего разрешения», Суворов писал уже в категорической форме коменданту крепости о дозволении Писареву «продолжать литературные занятия, при чем рукописи его должны направляться ему, Суворову, «для дальнейшего распоряжения».

Таким образом, Писарев получил, наконец, возможность после подичного заключения в каземате, снова отдаться литературной работе. В дальнейшем это разрешение было дано также сидевшим в Алексеевском равелине Шелгунову и Серно-Соловьевичу. В журналах печатались уже литературные работы четырех писателей, сидевших в крепости. Во всеподданнейшем отчете III отделения за 1863 г. шеф жандармов писал: «1863 год замечателен еще тем, что в журналах печатаются сочинения содержащихся в крепости по политическим делам—Чернышевского, Шелгунова, Серно-Соловьевича, Писарева, Михайлова (Мих. Илецкого), осужденного на каторгу». Для России это было действительно событием, совершенно исключительным. С этого времени, каждый месяц, а иногда и чаще, Писарев сдавал в комендатуру крепости свои статьи, написанные на листах писчей бумаги мельчайшим убористым бисерным почерком, обычно без всяких пометок и исправлений. Литературная работа его в одиночном заключении, в мертвой тишине крепостного каземата, была не менее интенсивной и плодотворной, чем на свободе. После годового перерыва читатели «Русского Слова» начали снова встречать его имя в каждой книжке журнала.

Процедура прохождения статей Писарева из крепости до редакции «Русского Слова» была довольно сложная. Писарев сдавал их в комендатуру крепости, при письме на имя коменданта, обычно одинакового содержания: «Ваше превосходительство милостивый государь, Александр Федорович. Имею честь почтительнейше просить ваше превосходительство препроводить по принадлежности представленную мною статью, написанную на... листах под следующим заглавием... С глубочайшим уважением имею честь быть вашего превосходительства покорный слуга Дмитрий Писарев».

Текст письма всегда был одинаков, изменялись только количество листов и название статей. Комендант крепости при рапорте отсылал их в управление петербургского военного ген.-губернатора. Оттуда с препроводительным отношением от ген.-губернатора их отсылали для просмотра в Сенат, где велось дело Писарева. В Сенате обычно не интересовались содержанием этих статей и даже тем, цензурны ли они, предоставляя это усмотрению цензурного ведомства, а просматривали их только в целях недопущения каких-либо сообщений о деле, по которому обвиняется заключенный. Поэтому просмотр статей в Сенате был чисто формальный, поверхностный и недолго задерживал их там. После просмотра Сенат возвращал их обратно петербургскому военному ген.-губернатору, каждый раз при особом указе, которым уведомлялось, что со стороны Сената «по обстоятельствам производящегося дела препятствий не встречается для надлежащего рассмотрения статьи цензурой». Затем управление ген.-губернатора препровождало рукопись обратно в крепость с сообщением об этом указе Сената, для объявления Писареву, «что за сим он может передать свои сочинения для напе-

чтения тому лицу, которому доверяет, но и с тем, чтобы им предварительно соблюден был порядок, установленный цензурными правилами». После всей этой процедуры, требовавшей обычно месяца полтора времени, по указанию Писарева, статьи его пересылались комендатурой крепости в редакцию «Русского Слова». Иногда Писарев уведомлял кратким письмом Благосветлова, чтобы он пришел для получения статьи в комендатуру крепости.

Д. И. ПИСАРЕВ
Фотография 1865 г.

Институт Литературы, Ленинград

Первая статья, написанная Писаревым в крепости, была «Наша университетская наука», при чем, как указывалось, первая половина этой статьи была написана, вероятно, еще до окончательного урегулирования вопроса о разрешении ему литературной работы. Вторая половина этой статьи написана была во второй половине июня или в начале июля. 9 августа она была уже возвращена управлением военного ген.-губернатора после просмотра ее Сенатом. Напечатаны обе части этой статьи в июльской и августовской книгах «Русского Слова» за 1863 г.

В дальнейшем хронологический порядок литературных работ Писарева в крепости до приговора представляется в таком виде. В августе 1863 г. написана и сдана была первая часть статьи «Очерки по истории труда» на 40 листах. 25 августа она была отправлена комендантом для просмотра. Напечатана она была в сентябрьской книге «Русского Слова».

В сентябре написана статья «Мысли о русских романах» на 21 листе. 3 октября она была сдана и отправлена для просмотра, а возвращена 10 ноября⁴.

В октябре написана была вторая половина статьи «Очерки по истории труда» на 10 листах. 8 ноября она отправлена для просмотра. Она успела появиться в ноябрьской книге «Русского Слова».

В ноябре и декабре 1863 г. написана была статья «Исторические эскизы», в течение января прошедшая процедуру просмотра. 1 февраля 1864 г. она отправлена была в редакцию «Русского Слова» при следующей записке Писарева на имя Благосветлова: «Любезный друг, Григорий Евлампиевич, прошу тебя приехать к г-ну коменданту и получить от него рукопись мою «Исторические эскизы» для передачи в редакцию «Русского Слова». Обнимаю тебя. Любящий тебя Д. Писарев. 1 февраля 1864 г.». Письмо, однако, не было передано Благосветлову и осталось в архиве крепости. Имеется только расписка Благосветлова, датированная 2 марта 1864 г., о получении им этой статьи. Очевидно, комендатура крепости от себя уведомила Благосветлова, чтобы он зашел за статьей. Статья была помещена в январской и февральской книжках журнала.

В декабре 1863 г. и январе 1864 г. написана была статья «Цветы невинного юмора» — о сатире Щедрина, возвращенная Суворовым 13 февраля и отправленная в «Русское Слово» 15 февраля 1864 г. Она успела появиться в февральской книжке журнала.

В январе 1864 г. написана была статья «Мотивы русской драмы». Она сдана была в комендатуру 1 февраля, а 28 февраля уже возвращена была после просмотра. 29 февраля письмом на имя коменданта Писарев просил отправить ее «Русскому Слову». Появилась эта статья в мартовской книге «Русского Слова».

В феврале 1864 г. написана и сдана была первая часть статьи «Прогресс в мире животных и растений». 28 марта она возвращена была после просмотра, а 30 марта Писарев письмом на имя коменданта просил передать ее Благосветлову, вместе с запиской следующего содержания: «Любезный друг, Григорий Евлампиевич, прошу тебя приехать к господину коменданту и получить от него рукопись мою «Прогресс в мире животных и растений» для передачи в редакцию журнала «Русское Слово» на Колокольной в доме Миллера № 3. Обнимаю тебя. Любящий тебя Д. Писарев». Эта записка также не была передана Благосветлову. Имеется лишь расписка такого содержания: «Верю получить рукопись г. Писарева секретарю редакции г. Луканину. 1864 г. 9 апреля Григорий Благосветлов». Статья эта была напечатана в апрельской книге «Русского Слова» за 1864 г.

Далее в работе Писарева происходит некоторое замедление. В период март—июнь 1864 г. им написаны были только: «Кукольная комедия с букетом гражданской скорби» и вторая часть статьи «Прогресс в мире животных и растений». «Кукольная комедия» напечатана в августовской книге «Русского Слова», а вторая часть статьи «Прогресс в мире животных и растений» — в сентябрьской книжке за 1864 г. Замедление в работе Писарева в этот период объясняется, вероятно, тем, что именно в эти месяцы ему приходилось отрываться от работы и уделять много времени обозрению в Сенате обширного следственного материала по его делу. Но после этого периода опять начинается аккуратная сдача статей, каждый месяц, а иногда и чаще.

В июле 1864 г. написана была статья «Реалисты». 4 августа она была сдана в комендатуру, а в сентябрьской книге «Русского Слова» она была напечатана под названием «Нерешенный вопрос».

В августе этого года написана была статья «Картонные герои», сданная 11 сентября и возвращенная после просмотра 24-го числа того же месяца, т. е. через

2 недели. Это был самый короткий срок прохождения статей Писарева из крепости для просмотра и обратно в период предварительного заключения. его.

В сентябре и октябре написана была статья «Промахи незрелой мысли», сданная в комендатуру 29 октября и появившаяся в декабрьской книжке «Русского Слова», уже после объявления приговора Писареву.

На этом кончается подследственный период литературной работы Писарева в крепости. В ноябре 1864 г. ему объявлен был приговор Сената, коим он приговорен был к лишению некоторых прав и преимуществ и к заключению в крепость на 2 года 8 мес.

Теперь Писарев был уже не подследственный, а присужденный к срочному заключению. Теперь и казематный режим и условия литературной работы должны были облегчиться. В действительности же над ним опять повис дамоклов меч лишения возможности отдаваться литературной работе и еще худших условий заключения, чем до приговора, при чем Писарев даже не подозревал этой опасности.

8 ноября 1864 г. Суворов сообщил коменданту крепости о приговоре Сената. Желавший избавиться от арестованного, доставлявшего ему много хлопот, генерал Сорокин наложил на сообщении Суворова резолюцию: «Испросить разрешение г. всенного генерал-губернатора отправить в Шлиссельбургскую крепость». Режим Шлиссельбурга был еще более суровый, чем Алексеевского равелина. О продолжении там литературной работы и речи не могло быть. Таких случаев там никогда не бывало ни до, ни после этого.

Предвидя возможность несочувственного отношения Суворова к этому предложению и желая предупредить возможные возражения Суворова против этого, комендант напомнил ему, что в другом аналогичном случае сам Суворов, по высочайшему повелению, распорядился перевести приговоренных к срочному заключению в крепости из Петропавловки в Шлиссельбургскую крепость. «Ваша светлость,—писал пен. Сорокин,—предписанием от 10 августа 1863 г. изволили сообщить мне высочайшее повеление о переводе содержащихся в С.-Петербургской крепости студентов Медико-хирургической академии Ивана Бабашинского и Бонифатия Степута в Шлиссельбургскую крепость, с тем, чтобы в таковую были помещены и все другие подобные им арестанты, заключенные в крепости для выдерживания под арестом, в продолжении определенного срока. На этом основании в августе того года были отправлены из С.-Петербургской крепости в Шлиссельбургскую крепость студенты Николай Воронов и сын чиновника 12 класса Яков Емельянов, как присужденные к временному заключению»⁵. Основываясь на этих примерах, Сорокин запрашивал, не следует ли отправить в Шлиссельбургскую крепость Писарева, а также осужденных по одному делу с ним П. Н. Ткачева и Ольшевского.

17 ноября 1864 г. Суворов ответил коменданту, что «при настоящих обстоятельствах, имея в виду неудобство препровождения политических арестантов для срочного заключения в Шлиссельбургскую крепость, я полагал бы оставить на время арестантов Писарева, Ольшевского и Ткачева в С.-Петербургской крепости». Таким образом, благодаря Писареву, избавлены были от Шлиссельбурга также Ольшевский и Ткачев.

В дополнение к этому особым предписанием коменданту Суворов снова разрешил Писареву, теперь уже как отбывающему наказание по приговору, продолжать литературную работу, при чем рукописи его должны направляться в управление ген.-губернатора. Оттуда они шли уже прямо в редакцию «Русского Слова». Надо полагать, что чиновники Суворова даже не просматривали их, потому что сам он считал это делом цензурного ведомства, специально предназначенного для этого, как он высказывался в переписке с комендантом крепости и с III отделением по данному вопросу. Благодаря этому, статьи Писарева теперь уже сравнительно быстро доходили до редакции «Русского Слова». Окончание статьи «Реалисты», сданной в комендатуру 22 ноября 1864 г., успело войти в по-

ябрьскую книжку журнала. В комендатуру статьи сдавались, как и раньше, каждый раз при препроводительном письме Писарева на имя коменданта; содержание письма уже приводилось здесь.

Со времени объявления приговора работа Писарева становится еще более лихорадочной и кипучей. За 13—14 месяцев, с ноября—декабря 1864 г. до конца 1865 г., им написано было около 65 печатных листов.

Вот перечень статей, написанных Писаревым в этот период, в хронологическом порядке, с указанием числа листов писчей бумаги, на которых они написаны; в скобках указано, в каких книгах «Русского Слова» статьи эти были напечатаны.

22 ноября 1864 г. сдано было окончание статьи «Реалисты» («Нерешенный вопрос», на 10 листах, ноябрь 1864 г.).

14 декабря 1864 г. — «Историческое развитие европейской мысли» на 8 лл. (ноябрь—декабрь 1864 г.).

27 декабря 1864 г. — окончание статьи «Историческое развитие европейской мысли» на 5 лл. (декабрь 1864 г.).

В декабре же этого года, повидимому, была также сдана статья «Промахи незрелой мысли» (декабрь 1864 г.).

В 1865 г. в январе были сданы 2 статьи: «Мыслящий пролетариат» (дата сдачи не установлена), вошедшая в собрание сочинений под названием «Роман кисейной девушки»: 31 января сдана первая половина статьи «Переворот в умственной жизни средневековой Европы» на 7 лл. (напечатана в январской книжке, где слово «переворот» заменено было менее пугающим цензуру словом «перелом») ⁶.

10 февраля — «Сердитое бессилие» (февраль).

5 марта — окончание статьи «Переворот в умственной жизни Европы» на 6 лл. (февраль).

28 марта — «Прогулка по садам российской словесности» на 10 лл. (март).

29 апреля — первая часть статьи «Пушкин и Белинский» на 10 лл. (апрель—май) и «Пульхерия Ивановна» на 2 лл.

11 мая — «Мысли Вирхова о воспитании женщины» — на 3 лл. (апрель).

2 июня — «Разрушение эстетики» на 5 лл. (май).

6 июня — «Педагогические софизмы» на 7 лл. (май).

26 июня — окончание статьи «Пушкин и Белинский» на 9 лл. (июнь).

10 июля — «Подвиги европейских авторитетов» на 3 лл. (июль).

6 августа — первая часть статьи «Школа и жизнь» на 7 лл. (июль).

22 августа — окончание статьи «Школа и жизнь» на 7 лл. (август).

11 сентября — начало статьи «Исторические идеи Огюста Конта» на 4 лл. (сентябрь) и первая часть статьи «Посмотрим» на 5 лл.

18 сентября — окончание статьи «Посмотрим» на 6 лл. (вся статья напечатана в сентябрьской книге).

В сентябре—октябре написана и сдана была статья «Новый тип» — о романе Чернышевского «Что делать?», напечатанная в октябрьской книге «Русского Слова» за 1865 г. В первом издании собрания сочинений Писарева она вошла под заглавием «Мыслящий пролетариат», во втором издании — вырезана была цензурой.

19 октября сдано продолжение статьи «Исторические идеи Огюста Конта» на 7 лл. (октябрь).

23 ноября — окончание статьи «Исторические идеи Огюста Конта» на 7 лл. (ноябрь).

20 декабря — сдан физиологический очерк «Рука» на 5 лл.

23 декабря — «Подрастающая гуманность» на 7 лл. (напечатана в декабрьской книге «Русского Слова» за 1865 г. под названием «Сельские картины» под псевдонимом Радугина).

Как видим, в этот период Писарев нередко сдавал по две-три статьи в месяц.

В некоторых книжках «Русского Слова» за этот период объем его статей составляет до 5 листов, или около $\frac{1}{6}$ части книги.

Популярность Писарева в это время достигает апогея. Он становится поистине «властителем дум» молодого поколения разночинной интеллигенции этой эпохи. Это было совершенно исключительное явление, не только в истории русской литературы, но, пожалуй, и мировой литературы, когда писатель под тюремными сводами и тяжелыми затворами, в течение ряда лет лишенный общения с людьми, становится идейным вождем. Но с ростом славы и влияния Писарева росла и ненависть врагов его, реакционеров и обскурантов. Одним из наиболее ярких противников Писарева выступил И. А. Гончаров, литературное творчество которого мирно уживалось с работой по прижизненной литературе в цензурном ведомстве. Свои нападки на Писарева Гончаров делал не открыто в литературе, а в докладах по цензурному ведомству, где он требовал скорпионов не только против журнала, печатавшего статьи Писарева, но и против автора их⁷.

Именно Гончаров обратил внимание министра внутренних дел своим докладом на статью Писарева «Новый тип» — о романе Чернышевского «Что делать?», отмечая наиболее вредные места этой статьи. Результатом этого было распоряжение министра внутренних дел об объявлении первого предостережения журналу «Русское Слово» за октябрьскую книжку, при чем среди статей этой книжки, вызвавших кару, на первом месте стояла статья Писарева «Новый тип». Предостережение перечисляет и отдельные страницы этой статьи: 4, 8, 10, 13 и 26, где автор «отвергает понятие о браке» и «проводит теории социализма и коммунизма». Именно эти места отмечал и Гончаров в своем донесении, как особенно вредные.

Кара, наложенная на «Русское Слово», не остановила охранительного рвения знаменитого автора «Обломова». Статья Писарева «Исторические идеи Огюста Конта», помещенная в ноябрьской книге «Русского Слова» за 1865 г., вызвала второе донесение Гончарова по цензурному ведомству. В этой статье Гончаров-цензор усматривал «явное отрицание святости происхождения и значения христианской религии» и требовал даже суда над автором этой статьи, зная хорошо, что автор сидит уже 4-й год в Петропавловке. В результате, через две недели после первого предостережения, последовало второе предостережение за ноябрьскую книгу «Русского Слова» 1865 г., — факт совершенно исключительный, даже в истории русской цензуры, причем опять-таки на первом месте отмечалась именно статья Писарева «Исторические идеи Огюста Конта».

Дело, однако, не ограничилось наложением кары на крамольный журнал. Писарев хотя и не был предан суду, как требовал Гончаров, потому что, даже по российским законам, нельзя было привлечь его к суду за легальную статью, прошедшую через цензуру и напечатанную в легальном журнале, все же оказалось возможным расправиться с ним и в каземате. До сих пор он пользовался в крепости разными льготами. Еще 28 ноября 1865 г. Суворов писал коменданту, что «штабс-капитан Писарев (отец Д. И. Писарева) просит разрешить жене его посещать заключенного в крепости литератора Писарева 3 раза в неделю, так как благотворное влияние матери действует на нравственное исправление сына», и что он, Суворов, «не встречает препятствий к удовлетворению этого ходатайства». Свидание 3 раза в неделю в Петропавловской крепости — это была совершенно исключительная льгота при существовавшем там режиме.

И вдруг, всего лишь через месяц после этого, как только в газетах было опубликовано вышеприведенное первое предостережение от 20 декабря 1865 г. «Русскому Слову» за вредные статьи, между которыми на первом месте были статьи Писарева, все это неожиданно изменилось. 26 декабря Писарев подает коменданту крепости письменное заявление о выдаче ему бумаги для письма ген.-губернатору Суворову. До тех пор за три с половиной года сидения его в крепости ему не приходилось прибегать к этому. Писали Суворову и хлопотали за Писарева его родные и доброжелатели, но не он сам. Уже из этого можно понять, что в тюремном режиме произошло нечто совершенно неожиданное, чрезвычай-

чайно ухудшившее положение писателя. Приводимое ниже письмо Писарева к Суворову рисует положение, в котором он неожиданно оказался, и его переживания в тот момент.

«Ваша светлость. К вам пишет из каземата Петропавловской крепости человек, благодетельствованный вами, и пишет он не за тем, чтобы просить себе у вашей светлости новых благодетелей.

Ваша светлость изволили доставить мне, кандидату университета, Дмитрию Писареву, содержащемуся в Петропавловской крепости с 3 июля 1862 г., возможность писать и печатать статьи в журналах. В течение двух с половиной лет (от июня 1863 г. и до декабря 1865 г.) я пользовался беспрепятственно великою милостью, дававшей мне возможность кормить мать и сестер.

Во все это время я постоянно получал и держал у себя в каземате все дозволенные в России книги и периодические издания, которые мне были необходимы для моих работ.

С конца декабря нынешнего года все переменялось.

Крепостное начальство отобрало у меня все мои книги, и я хожу теперь по каземату из угла в угол, не зная, что делать, не зная, чем будет существовать мое бедное семейство, и не умея понять, чем я мог навлечь на себя такое тяжелое наказание.

Лучшие годы моей жизни проходят в каземате. Я об них не жалею, я не прошу освобождения. Я знаю, что виноват, и несу с полной покорностью заслуженное наказание.

Но об одной милости умоляю вашу светлость, и эту милость я готов вымаливать себе на коленях и со слезами: не лишайте меня возможности учиться и работать, не закрывайте раскаявшемуся преступнику единственной дороги к полному исправлению и к новой жизни разумной, полезной и скромной.

Вашей светлости известно, что невежество составляет настоящие причины тех мечтаний и увлечений, от которых погибает добрая и честная молодежь.

Вашей светлости известно, что образование есть самое надежное оружие против опасных заблуждений.

Будьте же великодушны: позвольте мне попрежнему употреблять долгие дни моего заключения на приобретение полезных знаний, на развитие моего незрелого ума и на работу, доставляющую пропитание моей больной матери и моим сестрам.

Положение моего семейства в настоящую минуту тем более печально и затруднительно, что издатель «Русского Слова» г. Благодетель, пользуясь моим заключением, на днях обманул меня при окончательном расчете, слишком на 400 р. Вследствие этого неожиданного дефицита работа моя становится еще более необходима, чем прежде.

Есть еще одно обстоятельство, о котором я должен сказать вашей светлости несколько слов. С начала нынешнего года мне давались в неделю по два свидания с матерью и сестрами, и каждое из этих свиданий продолжалось по 4 часа, от 10 утра и до 2-х часов пополудни. По новому распоряжению крепостного начальства я имею в неделю только одно свидание, которое продолжается 2 часа. За что обрушились разом на меня и на мое семейство все эти немилости, этого я решительно не могу себе объяснить. Никакой новой вины за собой не знаю, но, по всей вероятности, какая-нибудь вина существует и, быть может, будет доведено крепостным начальством до сведения вашей светлости.

В таком случае я умоляю вашу светлость об одном, выслушайте обе стороны, т. е. как обвинителей, так и обвиняемого. Тогда окажется, по всей вероятности, что обвинение основано на каком-нибудь чистейшем недоразумении.

Если бы вашей светлости случилось заехать в крепость, если бы вам угодно было посетить мой каземат, то, конечно, в 10 минут я изложил бы вам все мое горе яснее и убедительнее, чем можно передать на десяти листах бумаги. Но это такое великое счастье, на которое я и не смею надеяться.

Легко может быть, что письмо мое бесвязно. В таком случае прошу вашу светлость великодушно извинить меня. Вы можете себе представить, князь, как тяжело ложатся все эти огорчения на человека, потрясенного уже тремя с половиной годами одиночного заключения. У меня ужасно болит голова, путаются мысли, и я страдаю бессонницей, так что в сутки мне удастся заснуть всего на 2 или на 3 часа.

Умоляю вашу светлость упрочить за мною благодеяния, которые уже дарованы мне вашим великодушным заступничеством. Я буду совершенно счастлив, лишь бы у меня не отнимали того, что мне было дано вашей светлостью.

Представлю 92

Ваше Высочайшее величество

Александровичу Толстому

Александру Владимировичу

Многократно благодарю ваше величество за то, что вы позволили мне представить вашему величеству мое сочинение "Исторические идеи Огюста Конта", написанное мною на 10-м году жизни.

Ваше Высочайшее величество

на Кресте святого Александра Невского

1865 года

Николай 23 года

СОПРОВОДИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО Д. И. ПИСАРЕВА ШЕФУ ЖАНДАРМОВ А. Ф. ОРЛОВУ К ПОСЫЛАЕМОЙ ИМ ИЗ КРЕПОСТИ РУКОПИСИ «ИСТОРИЧЕСКИЕ ИДЕИ ОГУСТА КОНТА»

Центрархив, Москва

С глубочайшим уважением и беспредельной преданностью имею счастье быть благодарственным вашей светлостью Дмитрий Писарев. 1865 г. декабря 26 дня.

Для революционера весь тон этого письма, конечно, совершенно недопустим.

Весьма странно звучит в этом письме упоминание о «доброй, честной молодежи», гибнущей от «мечтаний и увлечений», порожденных невежеством. Ведь именно охранители и реакционеры его обвиняли в развращении «недоучившейся» молодежи вредными «мечтаниями и увлечениями», подрывающими все устои существующего порядка. Не было ли это особым тактическим приемом для отвода

от себя этого обвинения? Возможно также, что Писарев исходил при этом из принципа — «цель оправдывает средства», считая, что для пользы, приносимой его литературной деятельностью общественно-революционному движению, можно и покривить душой. С. Г. Нечаев, начавший свою революционную деятельность приблизительно около этого времени, считал ведь возможным аморальные действия в интересах революции.

Все же вероятнее всего, что содержание письма объяснялось душевным состоянием Писарева в тот момент.

Необходимо также помнить, что в эпоху 60-х годов не были еще прочно установлены те основы революционной этики в тюрьме и ссылке, которые позднее стали обязательными для революционеров. Поэтому и «кристально чистый», по характеристике Герцена, Серно-Соловьевич считал возможным обращаться к Александру II с «верноподданными просьбами». Делал это и Н. В. Шелгунов, хотя лишь в форме писем, без точного соблюдения надлежащего титулования и установленных для этого формальностей. Обращался к Александру II даже и Н. Г. Чернышевский, но с явным игнорированием всех требовавшихся для этого аксесуаров.

Облегчения казематного режима, о которых Писарев писал, как о благодеяниях со стороны Суворова, в действительности были, вероятно, лишь применением все той же административной тактики его — смягчения существующей системы без изменения основ этой системы, обуславливавших все зло ее.

Душевное состояние Писарева в этот момент было действительно крайне тяжелое. Писарев, мысли которого были всегда так ясны и логичны, который исписывал своим мельчайшим почерком десятки листов без единой пометки, пишет теперь, что у него мысли путаются; он даже лишился сна и страдает головной болью, на что ни разу не жаловался в своих письмах матери за три с половиной года заключения в крепости. И было от чего потерять душевное равновесие.

Как ни тяжело было проводить долгие годы молодой, только что начавшейся и так радужно начавшейся жизни, в крепостном каземате, но все же жизнь эта была кое-как налажена, вошла в свою нормальную колею, насколько можно говорить о «нормальной» жизни для тюремного узника. Писарев был всецело поглощен своей литературной работой. Эта работа давала ему возможность коротать долгие месяцы и годы заключения. Литературная работа заменяла ему все, чего лишила его тюрьма. Писать же он мог только, имея всегда при себе нужные ему книги и периодические издания. И вдруг, совершенно неожиданно, его лишают этого. Лишают без всякого повода с его стороны, так как никаких проступков против тюремного режима он не совершал. О предостережении же «Русскому Слову», только что опубликованном, датированном 20 декабря, он не мог еще знать 26 декабря, когда писал это письмо Суворову, так как из периодических изданий ему разрешалось тогда иметь у себя только журналы, но не газеты. Да если бы ему и было известно об этом, то трудно было примириться с мыслью, что цензурные репрессии за легальные статьи могут отразиться на тюремном режиме для автора, отбывающего наказание совсем по другому делу.

Характерно здесь и следующее. Писареву не запрещают писать, но лишают его книг. Объясняется это несомненно тем, что запретить ему литературную работу комендант крепости не мог, потому что это, как говорилось уже выше, разрешено было ему по настоянию Суворова, вопреки противодействию коменданта ген. Сорокина. В отношении же книг прямого распоряжения о дозволении Писареву иметь в каземате все нужные ему книги не было. Это как бы само собой подразумевалось. И до сих пор никаких препятствий по этой части не было. Теперь же сочли возможным ущемить его как раз в этом отношении. А без книг он не мог и писать. И вот он обречен на хождение «из угла в угол по каземату, не зная, что делать». Повидимому, были и какие-то ущемления в пользовании бумагой, потому что ему приходится писать специальное заявление коменданту

крепости о выдаче бумаги для письма Суворову, между тем как до этого, хотя и под строгим контролем, но у него всегда было много бумаги для литературной работы. Наконец, ко всему этому, ограничены были и свидания с матерью, хотя всего лишь за месяц до этого Писареву разрешены были свидания с нею даже по три раза в неделю.

Письмо Писарева Суворову, являвшееся жалобой на коменданта крепости, не могло, конечно, доставить большого удовольствия ген. Сорокину, тем более, что ему пришлось писать обширное объяснение по этому поводу. Его отношение к этому письму он выразил иронической надписью карандашом на копии письма: «После дождя хорошая погода». Понимать эту потугу на остроумие не блиставшего умом ген. Сорокина надо, повидимому, так, что после надлежащего ущемления задорный разрушитель Писарев смиренно запросил пощады и заговорил о раскаянии. В объяснении своем Суворову, отправленном вместе с письмом Писарева, Сорокин, прежде всего, напоминает существующие правила для заключенных в крепости.

«Правилами, приложенными к 2079 ст. части I и II свода военных постановлений между прочим, определено: заключенных по приговорам судебных мест в крепостях дозволяется посещать не более как по два раза в месяц только всем вообще родным в прямых восходящих и нисходящих линиях. Свидания в назначенные комендантами дни дозволять не более часу. Те из родственников и свойственников арестованных, которые пожелают иметь свидание с заключенными, должны иметь свидетельство местной полиции о действительном родстве с заключенным. Посетители не могут приносить с собою и передавать заключенным что бы то ни было. Если бы кто из посещающих заключенного осмелился что-либо тайно принести заключенному, то на будущее время того к свиданиям не допускать. Содержимые, если бы приняли что-либо тайно от посетителей или от служителей, лишаются права на свидание с теми из родственников, от которых приняли тайно, или смотря по важности проступка и со всеми родственниками.

«В 1863 году высочайше повелено вменить комендантам в обязанность установить строгий порядок наблюдения за политическими арестантами и отнюдь не допускать для них никаких послаблений.

«Не взирая на это заключенному на срок за политические преступления кандидату здешнего университета Дмитрию Писареву, согласно предписания вашей светлости от 26 и 28 ноября за № 2613 и 2637 разрешено заниматься литературою с передачей ему нужных для него материалов через комендантское управление и дозволялись свидания с матерью и сестрами до 4-х и более раз в месяц, сообразуясь с возможностью не лишать через это свидания родственников других арестованных.

«Мать Писарева, пользуясь сим снисхождением, не раз дозволяла себе тайно вводить в комнату для свидания лиц, которым не было разрешено свидание.

«Это обстоятельство, как равно и то, что статьи Писарева, помещенные в журнале «Русское Слово» по содержанию своему заслужили общее неодобрение, и журнал «Русское Слово», как вследствие того, так и других случаев, получил предостережение, вынудило меня принять некоторые меры предосторожности, заключающиеся в отобрании из номера Писарева переданных ему, без ведома моего, книг для составления описи, и ограничения свидания не более 4-х раз в месяц. Затем строго подтверждено, чтобы ни книги, ни другие материалы для литературных занятий не были передаваемы Писареву без личного моего разрешения. Меры эти далеко еще не так строги, какие следовало бы принять против Писарева, как заключенного за политические преступления, вызвали со стороны его претензию на распоряжение крепостного начальства, что ваша светлость изволите усмотреть из представляемого при сем письма на ваше имя.

«Писарев не только не ценит делаемого ему в Санкт-петербургской крепости снисхождения, но не желает понять и того, что если бы не милостивое участие к нему вашей светлости, должен был бы содержаться в Шлиссельбургской кре-

пости, где свидания с родными и литературные занятия были бы не так возможны, как здесь».

Имеется, однако, указание, что и среди администрации крепости были лица, относившиеся к Писареву весьма благожелательно и оказывавшие ему льготы.

К письму Писарева Суворову и объяснению коменданта по поводу этого письма приложен написанный рукою Писарева листок следующего содержания:

«I. По вопросу о том, какие книги нужны Писареву для его работ:

Я желаю продолжать статью «Исторические идеи Огюста Конта», которой начало напечатано в «Русском Слове». Для этой работы мне нужно иметь:

1) «Русское Слово» за ноябрь 1865 года, чтобы видеть, на чем я остановился и не сделано ли в этой статье каких-нибудь изменений.

2) Auguste Conte. Cours de philosophie positive. Volumes V et VI.

3) Бокль. «История цивилизации в Англии».

4) Tocqueville «L'ancien regime et la revolution».

II. По вопросу о том, кто позволил Писареву видиться с матерью от 10 час. утра до 2-х часов пополудни.

По чьему позволению это делалось,—этого я не знаю, знаю только, что меня обыкновенно уводили на свидание в 10 часов или в начале 11-го, а приводили в каземат в 2 часа или в начале 3-го. Канд. университета Дмитрий Писарев».

Вопрос о книгах, нужных Писареву для его литературной работы, вполне понятен и никаких недоразумений не вызывает. Но что означает вопрос: кто разрешил Писареву свидания по 4 часа и почему об этом спрашивают Писарева? Кажется бы, что это должно было быть известным прежде всего администрации крепости и именно она должна была дать ответ на этот вопрос, если это кого-либо интересовало, а не Писарев. И раньше всех это должен был знать сам комендант крепости. Вместо этого, об этом спрашивают Писарева и спрашивают, очевидно, потому, что в делах управления крепости никаких сведений об этом нет. А между тем, сам Писарев в письме Суворову пишет, что свидания его обычно продолжаются по 4 часа—льгота тоже совершенно исключительная. Как и чем объяснить это? Надо полагать, что только из этого письма и ген. Сорокин и Суворов узнали о такой продолжительности свиданий Писарева. Но кто же в таком случае дал Писареву эту исключительную льготу? Кто был виновником этого «попустительства»?

Так как заведывали свиданиями и наблюдали за ними молодые офицеры из комендантских адъютантов, то несомненно, что именно им он обязан был этой исключительной льготой. Вероятна даже неосведомленность Писарева об отсутствии надлежащего разрешения на столь длительные свидания, ибо иначе он не писал бы об этом в своем письме Суворову. Среди этих офицеров, как это ни странно с первого взгляда, были усердные читатели Писарева, поклонники его таланта и даже горячие последователи. Помощник смотрителя Алексеевского равелина того времени, Борисов, бывший тогда молодым офицером, свидетельствует⁸, что статьи Писарева он еще в рукописях читал, когда они сдавались в комендатуру для дальнейшего направления; при чем на него эти статьи имели настолько сильное влияние, что благодаря им, по признанию самого Борисова, он «сжег все, чему прежде поклонялся» и даже оставил службу. Огромная популярность Писарева и слава его, как властителя дум той эпохи, будившего и волновавшего своими статьями из каземата крепости всю прогрессивную Россию и особенно молодое поколение, чрезвычайно симпатичный внешний облик его, каким рисует его тот же Борисов,—«совсем молодого человека с едва пробивающимися светло-рыжеватыми усами и бородкой», не напоминавший того разрушителя, каким известен был Писарев, лучшие годы молодой жизни, отдаваемые им тюрьме за убеждения, верность этим убеждениям, несмотря на все испытания,—все это несомненно привлекало к нему симпатии наиболее прогрессивной части офицерской молодежи из администрации крепости. Известное значение могло иметь здесь и покровительство, оказываемое Писареву таким влиятельным сановником,

как «его светлость» петербургский военный генерал-губернатор князь Суворов. Имеются сведения, что некоторые молодые офицеры из администрации крепости 60-х годов относились весьма сочувственно к политическим заключенным крепости. Об одном из них, штаб-офицере Пинкорнелли, III отделением велось дознание по обвинению его в содействии переписке заключенных между собой передачей записок.

Судя по тому, что 2 января 1866 г., т. е. через неделю, Суворов писал коменданту с разрешением свиданий Писареву с издателем «Русского Слова» Благодетелем и редактором Благовещенским, а 20 января Писарев сдал уже новую статью «Времена метафизической аргументации» на 7 листах, надо полагать, что конфликт был быстро улажен. Вероятно, это сделано было путем личных переговоров Суворова с Сорокиным, так как письменных следов разрешения этого конфликта в архивном деле нет.

Суворов, вероятно, считал, что для борьбы с легальной литературой вполне достаточно цензурного ведомства, которое для этого именно и предназначено. Возможно также, что он держался того мнения, что некоторый простор для легальной литературы вполне целесообразен, чтобы не множить более вредную нелегальную литературу.

Тяжелое душевное состояние Писарева в тот момент объяснялось не только тюремным конфликтом, но и другим, не менее тяжело переживавшимся, конфликтом с редакцией «Русского Слова». В письме его Суворову обращает на себя внимание весьма резкий отзыв о Благодетеле. Он пишет, что Благодетель «на днях обманул» его при «окончательном расчете», пользуясь исключительно тяжелым положением его, как заключенного в каземате. Такой резкий отзыв о Благодетеле, с которым Писарев до того был очень близок, даже на «ты», и который был единственным «посторонним» человеком, не членом семьи Писарева, имевшим с ним свидания и постоянную переписку, притом отзыв не в частной переписке, а в официальном письме генерал-губернатору, свидетельствует несомненно о чрезвычайно обостренных отношениях в тот момент между Писаревым и Благодетелем. Упоминание же об «окончательном расчете» указывает на разрыв Писарева с «Русским Словом».

И действительно, именно тогда, в декабре 1865 г., завершился давно уже назревавший конфликт в редакции «Русского Слова» уходом из журнала двух ближайших и весьма видных сотрудников его В. Зайцева и Н. Соколова, с которыми солидаризировался и Писарев. 3 и 8 декабря 1865 г. в газете «Голос» напечатаны были письма Зайцева и Соколова, в которых они обвиняли Благодетеля «в самовольных действиях, противоречащих заявленным им принципам издания», и заявили о своем отказе от дальнейшего участия в этом журнале. В постскрипуме к этим письмам значилось: «То же самое уполномочил нас сообщить от своего имени и Д. И. Писарев».

Сущность же конфликта заключалась прежде всего в том, что Благодетель довольно бесцеремонно обращался с средствами журнала, обделяя сотрудников и забирая львиную долю доходов себе. Это давно уже вызывало нарекания сотрудников. Протесты их заставили Благодетеля в сентябрьской книге «Русского Слова» 1865 г. выступить с объяснением издателя к читателям, в котором он заявлял, что впредь будет — только «поверенным» журнала и обязывается давать отчет о материальном положении его. Себе он назначал только от 1000 до 5000 р. в год, смотря по средствам журнала. Излишек же, остающийся от расходов, он обещал употреблять на улучшение журнала и увеличение гонорара сотрудникам, чтобы дать им возможность «больше читать и соображать» и употреблять «меньше времени на процесс самого писания, что даст в результате более зрелые и глубоко продуманные литературные работы».

Повидимому, однако, и после этого благие намерения Благодетеля не были осуществлены. Он продолжал распоряжаться материальными средствами журнала так же, как и раньше. Кроме того, произошел конфликт и на почве руководства

журналом. Зайцев и Соколов настаивали, чтобы редактором критического отдела журнала был Соколов. Кандидатуру эту поддерживал и Писарев. Благосветлов не согласился на это, считая Соколова не подходящим для такого амплуа и обвиняя его в чрезмерном обострении полемики с идейно близким «Современником».

Хотя Писарев, сидя в крепости, лично мало пользовался гонораром, отдавая его своей семье, но все же и у него были серьезные недоразумения с Благосветловым на почве денежных расчетов. Достаточно указать, что Писарев получал всего лишь 50 руб. за печатный лист. Это и в то время было уже недостаточным гонораром, особенно для такого первоклассного писателя, как Писарев, который был основной литературной силой журнала. Надо еще добавить, что из 5 печатных листов, по цензурным условиям, печатались обычно 4 листа, так что фактически гонорар Писарева был еще меньше. Когда Писарев сидел в крепости, Благосветлов мотивировал этот низкий гонорар тем соображением, что Писарев «очень легко» пишет, а в крепости «расходов мало». Потом, повидимому, в период 1864—1865 гг., когда работа Писарева в журнале была наиболее интенсивной, Благосветлов обещал ему еще четвертую часть чистого дохода с журнала. Но все же на этой почве между ними продолжались недоразумения. В августе 1865 г. они достигли такой остроты, что уже тогда стоял вопрос об уходе Писарева из «Русского Слова».

Об этом свидетельствует письмо Писарева к Благосветлову от 5 августа 1865 г., написанное после объяснения во время свидания с Благосветловым накануне этого, 4 августа, и в ответ на письмо Благосветлова. В своем письме Благосветлов писал Писареву, что никто не может удерживать его в «Русском Слове», что Писарев может предлагать «какие угодно условия», которые он, Благосветлов, «будет принимать или отвергать», но должен избавить его «от всяких полицейских ревизий», подразумевая под этим «ревизии» материальной части журнала.

Возмущаясь этим выпадом и объясняя это недостатком «нравственной деликатности» у Благосветлова, Писарев отвечал, что он ничего не предлагал ему кроме «старых 50 рублей за печатный лист и четвертой доли барыша». Далее он писал: «что никто не может меня удержать в «Русском Слове» это я прекрасно знаю и без твоих пояснений, но что я не имею ни малейшего желания отходить от такого журнала, которому в течение 4-х лет были посвящены все мои умственные силы, и который отчасти обязан своим успехом моим работам, это, я думаю, ты понимаешь очень хорошо и без моих объяснений. Отойти теперь от «Русского Слова» значило бы отказаться от жатвы с того поля, которое я вспахал и засеял с тобою и другими нашими сотрудниками». Упомянув о «некоторой холодности», получившейся после последнего свидания, Писарев пишет далее: «Если бы наши отношения были основаны на нравственной деликатности, то эта возрастающая холодность легко могла бы принести за собой разрыв, что во всяком случае было бы с нашей стороны непростительной глупостью и нарушением наших общих обязательств. Но так как нам обоим невыгодно расходиться, то я надеюсь, что мы не разойдемся». Чтобы понять, насколько тогда уже напряжены были отношения между Писаревым и Благосветловым, надо принять во внимание, что ведь эта переписка шла через руки комендатуры крепости и управления петербургского военного генерал-губернатора; может быть, она читалась даже самим Суворовым.

К концу 1865 г. отношения Писарева с Благосветловым настолько обострились, что он решил уйти из журнала вместе с Зайцевым и Соколовым. Свиданий у Писарева с Зайцевым и Соколовым не было, повидимому, не было и переписки между ними. Сношения происходили, вероятно, через мать Писарева, имевшую частые свидания с ним. Разрыв этот, несомненно, переживался им чрезвычайно болезненно.

Но и для Благосветлова уход Писарева был также весьма тяжким ударом. Больше, чем кто-либо другой, он знал, что славу и материальное благополучие

Милостивый Государь

Директор Училища

Я-ш. Яковлевич, учитель математики на уроках
не получаю согласия Вашего согласия
на этого учителя в работу в Училище
Ваше по моему требованию Училища
Вручил Вам воор. Содержание
на двух листах перер небольшое
по математике в Училище на уроках
Зная что Вы судите об этом уроке
и на уроке на уроке Училища на
(содержание урока по математике на уроке Училища)
Дело В Училище, по моему требованию Училища
(Училище на уроке, содержание урока на уроке Училища)
на двух листах перер небольшое на уроке Училища
по математике в Училище на уроках Училища
Содержание урока на уроке Училища на уроке

ПИСЬМО Ф. А. ПАВЛЕНКОВА К Д. И. ПИСАРЕВУ ОТ 17 ДЕКАБРЯ 1865 г.

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА

Центрархив, Москва

2
мис. Гибель 8р. - 6р

Принимая участие в жизни
наших молодых людей и
исполняя обязанности

Ф. Павленков

17 декабря
1865 г.

ПИСЬМО Ф. А. ПАВЛЕНКОВА К Д. И. ПИСАРЕВУ ОТ 17 ДЕКАБРЯ 1865 г.
ТРЕТЬЯ СТРАНИЦА
Центрархив, Москва

его журнала создал Писарев, что именно Писарев был крупнейшей силой и основным стержнем «Русского Слова». Поэтому, отвечая на письма Зайцева и Соколова, что «Русское Слово» сможет обойтись и без их сотрудничества, Благодетель совершенно иначе отнесся к уходу Писарева. «С г. Писаревым, — писал он, — мы, конечно, расстаемся не без сожаления. Мы думаем, что только исключительность его положения не позволила ему видеть все это дело в настоящем виде и помогла ему так легко и неожиданно изменить журналу, в котором он работает пять лет». Вышеприведенное письмо Писарева Благодетелю от 5 августа 1865 г., написанное за четыре месяца до этого, свидетельствует, что это вовсе не было «неожиданно» и совсем не «легко» для Писарева.

И все же на этот раз до полного разрыва еще не дошло. Это видно из того, что 2 января 1866 г. Суворов сообщал коменданту крепости о разрешении свидания Писареву «с литераторами Благодетельным и Благодетельским для разъяснения некоторых денежных счетов», а 20 января, при обычном письме на имя коменданта крепости, Писарев отправил уже очередную статью в «Русское Слово», о чем упоминалось уже выше. Очевидно, на этом свидании временно удалось уладить конфликт. А затем свидания стали более частыми. 28 января 1866 г. Суворов писал коменданту, что издатель журнала «Русское Слово» Благодетель обратился к нему с ходатайством «во избежание недоразумений по расчетам» разрешить ему свидания с Писаревым еженедельно, и что он с своей стороны, не встречает препятствий к этому. Отказать в свиданиях Благодетелю, раз это разрешил уже Суворов, ген. Сорокин не мог, но все же и здесь выразилось недоброжелательное отношение его к Писареву. Резолюция Сорокина на этой бумаге Суворова была такая: «Допустить свидание в одно время с матерью г. Писарева, строго наблюдать за разговором, записывать каждый раз». Очевидно, свидания эти не особенно были по душе Сорокину. Более частые свидания Благодетелю, несомненно, нужны были не только для разъяснения всех вопросов расчетно-денежного характера, но и редакционных вопросов, которые могли вызывать недоразумения. Окончательный разрыв Писарева с Благодетельным произошел уже после освобождения Писарева из крепости.

Попытки ущемления режима заключения со стороны коменданта крепости Сорокина продолжались и дальше, и олять-таки в отношении пользования книгами в каземате. Нужные для литературной работы книги русские и иностранные доставлялись обычно Писареву Благодетельным. В вышеприведенном письме Благодетелю от 5 августа 1865 г. Писарев писал: «ты попрежнему будешь отыскивать и доставлять мне как можно больше хороших книг для того чтобы я писал в твоём журнале занимательные статьи, а я попрежнему буду писать, как можно лучше». Раньше, когда Писарев был подследственным, книги доставлялись ему через Сенат и управление петербургского военного генерал-губернатора. После приговора и перехода Писарева на положение отбывающего срочное наказание книги могли передаваться прямо через комендатуру крепости. Повидимому, это и было так, судя по тому, что никакой переписки о передаче Писареву книг со времени объявления приговора до января 1866 г. в деле не имеется. Вообще с момента разрешения литературной работы в крепости у него всегда были все нужные ему книги на русском и иностранных языках и даже новые журналы. 11 января 1866 г. при свидании с Благодетельным были намечены темы дальнейших статей Писарева и книги, которые Благодетель должен был прислать ему. В соответствии с этим Благодетель передал ему в комендатуру крепости следующие книги: Levi—«Histoire de la magie», 1 v., Sismondí—«Histoire des républiques Italiennes», 3 v., Russelot—«Etudes sur la Philosophie dans le moyenâge», 2 v., Помяловского «Очерки бursy» и Достоевского «Записки из мертвого дома».

Но вместо того, чтобы передать их Писареву, как это до сих пор делалось, комендант на этот раз решил запросить Суворова. В своем отношении он пишет, что издатель журнала «Русское Слово» Благодетель передал заключенному Писареву «поименованные в представляемом при сем реестре книги для литератур-

ных занятий, из коих три надписаны на французском языке». Так как, по установленному порядку, заключенным в крепости «допускается чтение лишь исторических, духовно-нравственных и учебных книг, а равно и журналов за минувшие времена», то он не считает себя в праве передать эти книги Писареву и представляет это усмотрению Суворова.

Из того, что написано было Писаревым за два с половиной года до этого с момента разрешения ему литературной работы, совершенно очевидно, что в его пользовании были все книги как русские, так иностранные, допущенные к свободному обращению. В своем письме к Суворову Писарев, как мы видели, писал, что он постоянно получал и держал у себя в каземате «все дозволенные книги и периодические издания», необходимые для его работы. С некоторыми периодическими изданиями он вел ожесточенную полемику, что невозможно было бы, если бы у него не было их под руками. И вдруг теперь Сорокин вспомнил об инструкции, разрешающей заключенным пользоваться только духовно-нравственными книгами и старыми журналами «за минувшие времена».

Объяснить это можно только тем, что, раздосадованный «чрезмерными» льготами, оказываемыми Суворовым Писареву, с игнорированием коменданта, как непосредственного начальника крепости, льготами, нарушавшими порядок казематного режима, Сорокин хотел демонстративно подчеркнуть этим, что лично он не желает нарушать существующих законов, а если это угодно делать Суворову, то пусть он берет на себя и ответственность за это.

Однако, на Суворова это не подействовало. Ответ его, который можно было бы принять даже за шутку, настолько любопытен, что мы считаем нужным привести его целиком. «Ваше превосходительство изволили препроводить ко мне реестр книгам, представленным г. Благодетелем для передачи арестанту Дмитрию Писареву, присовокупив, что по установленному порядку арестантам дозволяется лишь чтение исторических, духовно-нравственных и учебных книг, а равно журналов за минувшее время. Усматривая из этого реестра, что все поименованные книги удовлетворяют означенным требованиям я, с своей стороны, не встречаю препятствий к разрешению Писареву ими пользоваться. При этом имею честь покорнейше просить вас, милостивый государь, разрешить также Писареву чтение «Московских Ведомостей».

Итак, все эти книги, не исключая и «Очерков бursы» Помяловского, оказываются вполне соответствующими книгам духовно-нравственного и учебного характера, которые разрешаются правилами казематного режима иметь заключенным! Более того, Сорокин напоминал, что заключенным разрешается читать только старые журналы «за минувшее время», а Суворов разрешает Писареву читать даже и газеты. Правда, это были реакционные «Московские Ведомости», но Писарев сам просил разрешить ему хотя бы «Московские Ведомости», не рассчитывая на разрешение получать какую-нибудь более прогрессивную газету. Ему, ведь, важно было только следить за происходящим за стенами крепости, а это он мог узнавать и из «Московских Ведомостей». Можно предположить, что этим ответом Суворов хотел раз и навсегда избавиться от назойливых приставаний старого тюремщика, препятствовавшего ему проводить политику мелких льгот и смягчения режима, без ущерба для режима в целом.

На этот раз, однако, Сорокин не сразу сдался. На ответе Суворова он положил резолюцию: «Перевести по-русски оглавление книг для личного моего доклада». Задержав выполнение этого предписания Суворова, Сорокин решил кому-то доложить об этом, вероятнее всего, пожаловаться III отделению, а так как он не знал французского языка, то понадобилось перевести для него на русский язык названия французских книг, присланных Благодетелем и разрешенных Суворовым Писареву.

Писарев, узнавши на свидании о разрешении ему Суворовым не только пользоваться указанными книгами, но и «Московскими Ведомостями», настаивал на передаче ему этих книг и газет, но получал ответы, что нет еще для этого раз-

решения от коменданта крепости. Тогда он обратился к коменданту с следующим письмом:

«Ваше высокопревосходительство, милостивый государь Александр Федорович, позвольте мне беспокоить ваше высокопревосходительство следующими почтительными просьбами: 11 января нынешнего года издатель «Русского Слова» г. Благодетель заказал мне для своего журнала срочную работу и 20 января г. Благодетель доставил к господину полковнику Сабаневу те книги русские и иностранные, которые необходимы мне для выполнения указанной работы. Я просил г. полковника передать мне эти книги и получил от г. полковника ответ, что об этих книгах послан запрос в канцелярию г-на военного генерал-губернатора. 1 февраля я снова виделся с г. Благодетелем и узнал от него, что от г. военного генерал-губернатора уже прислано разрешение выдать мне эти книги. Тогда я снова обратился с просьбою к г. полковнику, но г. полковник ответил мне, что он не имеет разрешения от вашего высокопревосходительства. Вследствие этого я имею честь убедительно просить ваше высокопревосходительство о разрешении иметь у себя необходимые книги, доставленные г. Благодетелем.

Теперь ваше высокопревосходительство следует моя вторая просьба. 7 января нынешнего года я просил г. Спасского исходатайствовать мне у г. военного генерал-губернатора позволение читать «Московские Ведомости» за текущий год. 11 января г. Благодетель привез это позволение к г. полковнику Сабаневу. Когда я стал просить г. полковника о том, чтобы мне было предоставлено право пользоваться этим позволением, то г. полковник ответил мне, что он не имеет разрешения от вашего высокопревосходительства. Вследствие этого я имею честь убедительно просить ваше высокопревосходительство о дозволении читать «Московские Ведомости» за текущий год. С глубочайшим уважением имею честь быть вашего высокопревосходительства покорный слуга Дмитрий Писарев».

«Личный доклад» по этому вопросу, очевидно, не дал желательных генералу Сорокину результатов. Суворов все еще был в силе, и жалобы на него не действовали. Поэтому Сорокин вынужден был выполнить предписание Суворова.

Сорокин не преминул, однако, и в данном случае все же ущемить Писарева, допуская газеты только «за минувшее время». Что надо было под этим понимать, какова должна была быть давность газет, чтобы быть допущенной в каземат Писареву, трудно сказать, вероятнее всего, что «минувшее время» определялось здесь только днями или неделями.

Родные и друзья Писарева пытались добиться досрочного освобождения его после приговора. Для этого не требовалось даже исключительной милости. Достаточно было зачесть ему в срок наказания время последственного заключения.

Летом 1865 г., когда Писарев просидел уже три года в крепости, мать его решила обратиться к «монаршей милости» об освобождении ее сына. 25 июня 1865 г. она подала на «высочайшее» имя прошение, в котором писала, что сын ее уже три года сидит в крепости, что он был уже болен психическим расстройством и лечился в лечебнице известного психиатра Штейна и что дальнейшее заключение его прозлит ему рецидивом этой болезни. Поэтому она просила освободить его до срока и отпустить с ней для житья в деревню. По существу это значило зачесть Писареву в счет наказания время предварительного заключения.

Такие прошения до рассмотрения их царем направлялись в III отделение. Там к прошению Писаревой приложили справку, что время, проведенное после объявления приговора к заключению в тюрьме, в арестантских ротах и рабочих домах, до начала отбывания наказания, зачисляется в срок заключения. Это же относится, по мнению III отделения, и к крепостному заключению, как более легкому. На справке значилось, что по этому вопросу следует снаестись с министром внутренних дел. Очевидно, III отделение не было уверено, можно ли это применить к Писареву.

Простение с этой справкой было доложено Александру II, который положил

на нем следующую резолюцию: «Весьма справедливо, что в этой статье речь идет о времени заключения по объявлению приговора, а не до объявления его». Иначе говоря, «монаршая милость» не была столь щедрой, чтобы зачислить Писареву более чем двухлетнее сидение до приговора и более полугода после приговора. Для окончательного разрешения этого вопроса царь велел снести с министром юстиции.

Через полтора месяца, 12 августа 1865 г., по этому же вопросу Суворов обратился с нижеследующим личным письмом, написанным не на бланке управления генерал-губернатора, к шефу жандармов князю Долгорукову:

«Милостивый государь, Василий Андреевич. Известный вашему сиятельству кандидат Санкт-Петербургского университета Дмитрий Писарев, содержавшийся в С.-Петербургской крепости более двух лет во время производства следствия, подвергнут по высочайше утвержденному мнению государственного Совета срочному содержанию на 2 года 8 мес. за политическое преступление. Молодой человек этот, неся заслуженное наказание, с покорностью являет из-за стен крепости пример добродетели, содержа литературным своим трудом престарелую мать и малолетних сестер, но здоровье его ослабевает, и несчастное семейство может лишиться единственной опоры в жизни.

«Ваше сиятельство, вероятно, одинакового со мной мнения, что наказания налагаются законом не в виду возмездия за преступление, но в видах исправления, а потому, если есть убеждение, что виновный исправится, то всякая оказываемая ему милость может только укрепить его на пути добродетели, а потому я имею честь обратиться к вам, милостивый государь, с покорнейшей просьбой, не изволите ли вы признать в настоящее время по прошествии почти 3-х лет со дня заключения Писарева [на самом деле был уже четвертый год его заключения.— Н. Б.] предстать с ходатайством к государю императору о всемилостивейшем помиловании. Примите ваше сиятельство уверенность в отличном моем почтении и совершенной преданности Суворов».

Когда Суворов писал это письмо, он, очевидно, не знал о неблагоприятной резолюции Александра II на прошении матери Писарева и о запросе по высочайшему повелению отзыва министра юстиции по этому делу. Об этом через два дня, 13 августа, сообщил ему в ответном письме Долгоруков. А еще через два дня, 15 августа 1865 г., министр юстиции отношением на имя шефа жандармов Долгорукова сообщил, что, так как «Писарев присужден Сенатом по 54-й статье Уложения о Наказаниях к лишению некоторых прав и преимуществ и заключению в крепости на 2 года 8 месяцев, при чем оставлен еще под сильным подозрением в покушении на распространении его возмутительного сочинения, что является еще более тяжким преступлением, вследствие чего Государственный совет не счел возможным подвергать участь его монаршему милосердию, он, министр юстиции, считает незаслуживающим уважения прошение Писаревой».

Так разбилась надежда матери Писарева на «милосердие» царя.

После этого еще 13 месяцев пришлось Писареву провести в каземате, при чем последние 7 месяцев он сидел снова в самых тяжелых условиях, лишенный всех льгот, которыми он пользовался до тех пор, а главное — лишенный возможности продолжать литературную работу. После каракозовского выстрела 4 апреля 1866 г., когда началась эпоха белого террора, Суворов был уволен за «либерализм», при чем упразднено было и петербургское генерал-губернаторство. Административная тактика Суворова окончательно была признана негодной. Режим Петропавловской крепости сделался исключительно суровым. Все льготы, допускавшиеся Суворовым по отношению к политическим заключенным в крепости, и в частности в отношении Писарева, были отменены. Литературная работа в крепости окончательно и навсегда воспрещена. Нашли, что этот опыт оказался неудачным. Окончательно запрещены были также наиболее радикальные журналы «Современник» и «Русское Слово». Последние статьи, сданные Писаревым в крепости, были: «Погибшие и погибающие» — сдана 21 февраля 1866 г. и «Популяри-

заторы отрицательных доктрин»—сдана 11 марта. В виду закрытия «Русского Слова» эта статья была потом напечатана в сборнике «Луч», разосланном подписчикам этого журнала. Легко представить себе, как должен был переживать это Писарев после почти трехлетней кипучей литературной работы в каземате.

В таких условиях Писарев просидел до 18 ноября 1866 г., когда был, наконец, освобожден на основании манифеста от 28 октября 1866 г., уменьшившего срок заключения для всех отбывавших заключение по приговорам на одну треть. Он просидел в крепости 4 года, 4 месяца и 18 дней.

Однако, и после этого он не получил еще полной свободы. Он был отдан под поручительство матери без права отлучаться из Петербурга.

19 ноября, на следующий день после освобождения Писарева, петербургский обер-полицмейстер запрашивал III отделение, не следует ли принять против Писарева какую-нибудь административную меру. Мезенцов, заменявший тогда Потапова, в качестве управляющего III отделением, ответил: «подвергнуть длительному наблюдению». Под этим наблюдением он находился до безвременной своей смерти.

В феврале 1868 г. Писарев хотел поехать за границу и обратился к петербургскому обер-полицмейстеру Трепову о выдаче заграничного паспорта. 27 февраля Трепов запрашивал об этом III отделение, указывая, что Писарев представил медицинское свидетельство о необходимости для него лечения за границей; 2 марта Мезенцов ответил, что «Писарев за границу не может быть уволен».

Для получения разрешения на поездку Писарева за границу был мобилизован родными и друзьями Писарева действительный статский советник Перель. Этот штатский генерал в апреле 1868 г. имел личные переговоры по этому поводу с Мезенцовым и получил от него обещание содействовать этому. 10 мая Перель обратился с письмом к Мезенцову, напоминая, что три недели тому назад Мезенцов обещал ему пересмотреть дело Писарева и доложить шефу жандармов Долгорукову о разрешении Писареву по болезни выехать за границу. Не имея ответа, Перель заключает, что или за Писаревым имеются какие-нибудь новые грехи, или же Мезенцов очень занят. Извиняясь за напоминание об этом, Перель просил сообщить о результатах его ходатайствования за Писарева. 15 мая Мезенцов ответил, что главный начальник III отделения граф Шувалов «не изъявил согласия на выезд Писарева за границу».

Не получив заграничного паспорта, он просил разрешить ему по «расстроеному здоровью и совету врачей» пользоваться купаньями в Лифляндской и Курляндской губерниях и выехать для этого в Арендт, Виндаву и Либаву. 30 мая 1868 г. Трепов запрашивал об этом III отделение, которое 3 июня ответило согласием на это.

Через месяц, 4 июля 1868 г., Писарев утонул, купаясь в Дуббелъне на взморье. Кто знает, быть может, если бы он получил разрешение выехать за границу, его жизнь так скоро и безвременно не была бы оборвана.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Е. Соловьев, «Д. И. Писарев». Берлин, 1922 г. В дальнейшем письма Писарева из крепости цитируются также по этой книге.

² Материалы о пребывании Писарева в Петропавловской крепости извлечены из следующих архивных дел: ЛОЦИА. Дела управления коменданта С.-Петербургской крепости 1863 г. № 27 и 1864—1866 гг. № 45 и ЦАР. Дело III отделения экспедиции 1862—1864 гг. № 230.

³ Русский биографический словарь. Суворов — Тютчев (т. 17).

⁴ Статья «Мысли о русских романах» была запрещена и не появилась в печати. Возвращая эту статью после просмотра ее, Сенат обратил внимание Суворова на возможные вредные последствия этой статьи, восхваляющей идеи, проводимые в романе Чернышевского «Что делать?». Это вызвало следующее секретное письмо Суворова министру внутренних дел Валуеву, датированное 7 ноября 1863 г.:

«Милостивый Государь, Петр Александрович! Содержащемуся в здешней крепости литератору Писареву, преданному по высочайшему повелению суду правительствующего Сената, разрешено во время пребывания под стражей продолжать свои литературные занятия. Написанные Писаревым статьи, по заведенному порядку, представляются мною предварительно на рассмотрение в Сенат. И по получении отзыва, что к напечатанию оных препятствий со стороны Сената не встречается, рукописи поименованного подсудимого возвращаются ему через коменданта. Затем, в отношении напечатания сочинений Писарева, соблюдается общий порядок, установленный цензурными правилами.

На этом основании, в прошлом месяце препровождена была мною в Правительствующий Сенат статья Писарева «Мысли о русских романах». Возвращая эту статью, Сенат дал мне знать, что в ней не находится обстоятельств, до дела Писарева относящихся; но сочинение это содержит в себе по преимуществу разбор романа литератора Чернышевского «Что делать?» и преисполненное похвал этому литературному произведению, с подробным развитием заключающихся в нем материалистических воззрений и социальных идей, по мнению Сената в случае напечатания оного, может иметь вредное влияние на молодое поколение, проникнутое этими идеями.

Препроводив рукопись Писарева к коменданту С.-Петербургской крепости для передачи по принадлежности, долгом считаю о вышеизложенном отзыве правительствующего Сената сообщить вашему превосходительству для соображения при рассмотрении цензурою статьи поименованного подсудимого под заглавием «Мысли о русских романах».

На этом письме Валуев сделал надпись: «Теперь же предвать гг. цензоров конфиденциально». (ЛОЦИА. Дело Главного управления по делам печати 1863 г., № 289).

Конечно, этого было достаточно, чтобы цензора признали статью абсолютно вредной. Очевидно, именно таков был их отзыв, потому что 30 ноября на этом же письме Валуев положил следующую резолюцию: «Статью запретить».

⁵ Борисов. Алексеевский вавелин. 1862—1865 гг. «Русск. Старина», 1901 г.

⁶ О статье «Перелом в умственной жизни Средневековой Европы» просматривавший ее цензор писал, что она содержит «яркое описание безнравственной жизни католического духовенства и монахов в Средние века, их корыстолюбия и разного рода религиозные юманы... Описывая злоупотребления пап и духовенства, статья не делает, однако, ни малейших нападений на самую христианскую религию, равным образом нет никаких сближений с православною церковью». Тем не менее, цензор все же счел нужным внести ее на обсуждение Петербургского цензурного комитета. Комитет тоже не нашел в ней ничего вредного, но все-таки передал ее на рассмотрение высшей цензурной инстанции—Совета Главн. управл. по делам печати. И только здесь злополучная статья эта была, наконец, разрешена. (ЛОЦИА, Дело СПб. Цензурного комитета, 1865 г. № 28).

⁷ Евг. Соловьев. Д. И. Писарев, Берлин, 1922 г.